

Мальцев Николай Андреевич

НА ИЛ-2 И Т-34

Родился 8 октября 1926 года в Пензенской области, Русско-Камешкирского района, село Порзово. Русский.

Воевал на 1-м Белорусском фронте — авиамехаником, воздушным стрелком на Ил-2 (апрель, май 1944); на 1-м Украинском фронте — механиком-регулирующим, механиком-водителем, командиром танка Т-34, английского танка «Валентайн» (март-май 1945г.).

Имею два ранения и несколько контузий. Награды: ордена Сталина, Красного Знамени, Отечественной войны 1 и 2 ст., Красной Звезды, две медали «За отвагу», «За боевые заслуги», орден «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3 ст., 30 юбилейных медалей, три иностранные награды. Служба в армии — 45 календарных лет (1943—1988). Воин-интернационалист.

Действительный член Академии военных наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор исторических наук, профессор, опубликовано более 500 трудов (18 монографий, более 150 учебников и учебных пособий). В настоящее время — заведующий кафедрой общественных наук Московского Государственного художественно-промышленного университета им. С. Г. Строганова, заместитель председателя общества «Знание» г. Москвы, председатель Совета ветеранов войны 3-й гвардейской танковой армии.

Первый день войны я встретил 22 июня 1941 года в Крыму, в городе Саки, где жил у сестры, муж которой был штурманом 9-й авиабазы бомбардировочной авиации. Эта часть передислоцировалась в Крым после войны с Финляндией весной 1940 года из Монино (Подмосковье).

В первый же день войны фашистские самолеты бомбили Севастополь и другие города Крыма, где были аэродромы, в том числе и аэродром около Саки. Несколько бомб попало в дома военнослужащих, солдатскую столовую и склад ГСМ. Кстати, с земли, из ракетниц, фашистским самолетам давали целеуказания. Как потом выяснилось, это были фашистские агенты из местного населения.

В конце июля мы с сестрой были эвакуированы в город Саратов, где жили родители. Здесь я закончил седьмой и восьмой классы и пошел в девятый. С нетерпением ждал повестки из военкомата о призыве в армию. Как только 8-го октября 1943 года исполнилось 17 лет, уже 5 ноября я получил долгожданную повестку.

Желание скорее попасть на фронт усилилось после извещения о гибели брата. Брат мой, Анатолий Андреевич, родился в 1918 году, в 1939 году был призван в ряды Красной Армии. Службу проходил сначала на Кавказе, затем в Иране, в марте 1942 года их 63-й горнострелковый полк перебросили в Крым на защиту города Севастополя. На фронте он стал коммунистом, начальником радиостанции, был награжден медалью «За отвагу». Я хотел отомстить фашистам за гибель брата.

Радость моя была безмерна. Меня направили учиться на летчика в Качинскую авиашколу, которая из Крыма была эвакуирована в г. Красный Кут Саратовской области. Однако через месяц Сталин приказал: курсантов, не имеющих десятилетнего образования, перевести учиться в школу младших авиаспециалистов при авиашколе. Три месяца пролетели быстро, и я, к этому моменту уже сержант, получив аттестат авиамеханика, был отправлен в 8-ю авиашколу пилотов в г. Серноводск Куйбышевской области. Здесь курсанты получали первоначальное летное обучение на самолетах УТ-2.

Я просился на фронт, и только через полтора месяца мою просьбу удовлетворили. Меня направили на 1-й Белорусский фронт в 96-й гвардейский отдельный авиаштурмовой полк, дислоцировавшийся в Белоруссии. Я стал авиамехаником самолета Ил-2. «Черной смертью», «летающим танком» прозвали немцы грозный штурмовик.

Боевых вылетов Илов в день было много. Авиатехнический состав с трудом успевал готовить самолеты к вылету. А у меня прибавилась работа

и по политической линии, я был избран комсоргом эскадрильи. Много неприятностей доставляли личному составу полка почти ежедневные налеты на аэродром фашистских стервятников. В один из них отличился и я, о чем сообщил «Боевой листок»: «Авиамеханик гвардии сержант Мальцев 9 апреля во время налета вражеской авиации на аэродром проявил бесстрашие и героизм. Когда Ил-2 с подвешенными бомбами и реактивными снарядами был подожжен, Мальцев вместе с оружейником Кравцовым, который пришел на помощь, бросились к самолету и вступили в схватку с огнем. Пламя, которое подходило уже к бензобакам, им удалось ликвидировать. В это время у штурмовика ложились фашистские пулеметные очереди, но два смельчака, рискуя жизнью, спасли самолет. Авиаторы! Берите пример с комсорга Мальцева и оружейника Кравцова!»

Через несколько дней мне и сержанту С. Кравцову были вручены правительственные награды — медали «За отвагу». Это были наши первые награды.

Фронтальная жизнь для авиатехнического состава была сложной, беспокойной и трудной, фактически от зари до зари мы были на аэродроме. Иногда спали по очереди, тут же в землянке, где было не так уютно, но тепло. Немало было забот и у командного состава — после каждого боевого вылета были большие потери летчиков и особенно среди воздушных стрелков, защищавших хвост самолета.

По мнению летчиков, профессия воздушного стрелка на всех видах самолетов была самой опасной на войне. Когда резервы воздушных стрелков были выбиты, их место занимали авиамеханики, авиамотористы, оружейники и другие авиаспециалисты, подготовленные для боевых вылетов. Подошла очередь и для меня. Комэск капитан Желтов вызвал меня и спросил: «Готов ли комсорг к боевому вылету?» — «Всегда готов!» — «Тогда завтра летишь с Захаровым».

16 апреля 1944 года состоялся мой первый боевой вылет на штурмовку врага в районе Варшавы. Когда пересекали линию фронта, по «иллюзиным» снизу били зенитки, сверху и сзади налетали вражеские истребители.

Я начал отстреливаться. Старший лейтенант Захаров кричит: «Коля! Лучше целься! Не спеши! Стреляй короткими! Экономь патроны, впереди еще предстоят бои». А я шуровал вовсю. Началась штурмовка, я знал из рассказов, что такое пикирование до высоты 50-100 метров, но то, что я испытал на себе, это трудно описать.

Мы сделали три захода, сбросили бомбы, стреляли из пушек, реактивными снарядами по танкам, по скоплениям гитлеровцев. Выш-

ли из пике, поднялись примерно до 2000 метров и взяли курс на аэродром. И тут снова набросились на нас «мессеры». Я стрелял остатками боезапаса. Гитлеровец почувствовал, что у меня на исходе боеприпасы, и совсем обнаглел. Он приближался почти вплотную к хвосту, я видел его оскал. Фашист пулеметной очередью сбил надо мной плексигласовый фонарь, несколько пуль впились в правое крыло самолета, показались языки пламени.

— Стрелок! — услышал я голос командира. — Ты прыгал с парашютом?

— Да, был такой случай. Вытолкнули меня один раз в авиашколе, — ответил я.

— На всякий случай приготовься, — предупредил Захаров.

Ил-2 расстрелял последние реактивные снаряды, сбросил бомбы на противника, и самолет быстро стал набирать высоту. Летчик сделал несколько резких виражей на скольжение крылом, и удалось сбить пламя. В это время пришли на помощь Илам три советских истребителя Як-3, они завязали бой с «мессерами» и дали нам уйти. Этот бой я запомнил на всю жизнь.

20 апреля вылетели семью Илами на предместье Варшавы, Прагу, разбомбить железнодорожный мост, скопление фашистской техники на станции. Шли на высоте двух-трех тысяч метров. Приближаемся к цели, начали снижаться, и вдруг из-за облаков на нас набросилось более десятка «Фокке-Вульфов».

К сожалению, наши истребители, которые должны были нас сопровождать, где-то задержались. Штурмовики заняли круговую оборону, но они разбили наш строй. Три Ила, в том числе и наш, откололись от своих и пошли на снижение. Мы пикировали на мост так низко и стремительно, что «Фокке-Вульфы» от нас отстали. Первой бомбой Герой Советского Союза капитан Филатов поразил мост, а мы на станции штурмовали автобронетехнику. За два захода с высоты 30-50 метров уничтожили три платформы с фашистскими танками и бронетранспортерами, расстреляли до сотни гитлеровцев.

До Первомайского праздника экипаж еще три раза вылетал на задание, а 1 мая сделали два боевых вылета, один из них вечером. У меня сменился командир, место раненного Захарова занял лейтенант И. Коробов. При встрече с «мессерами» он крикнул: «Стрелок, смотри в оба, перед нами матерые эсесовцы, береги патроны, пригодятся!» Тут я и поймал в прицел фашиста, нажал на гашетку и стрелял, пока не увидел черный шлейф дыма.

В наградном листе записано: «В период 16-30 апреля воздушный стрелок сержант Мальцев сделал шесть боевых вылетов, во время атаки фашистских самолетов он, мастерски владея пулеметом, защищал Илы. 1 мая Мальцев дважды вылетал на боевые задания, которые были выполнены экипажем с большими потерями для врага. И в этих боях он действовал смело и решительно. Во время схватки с «мессершмиттами» воздушный стрелок Мальцев был ранен в голову. Истекая кровью, продолжал прицельный огонь и сбил фашистского стервятника. За героизм и бесстрашие в боях тов. Н. Мальцев достоин ордена Отечественной войны».

Получал я орден, уже будучи в госпитале в г. Пензе. Здесь же я узнал и о награждении моего командира Коробова орденом Красного Знамени.

На Т-34

Лечение было недолгим. Меня отправили на пересыльный пункт в Татищевские лагеря вблизи Саратова, откуда обещали направить в свою часть. Однако время шло, а с возвращением в родной полк не получалось. Приезжали «покупатели» из разных родов войск, но ни одного — из авиации. Где-то в конце июля 1944 года приехал капитан под хмельком. «Танкисты есть?» — Отозвались трое. — Мне надо пятнадцать человек». Я пошептался с земляком, авиамотористом Сергеем Коротковым, с которым познакомился в госпитале. Капитан говорит: «Вижу, что вы авиаторы. Воевали, но, видно, живого немца не видели. Что ждете? Гитлеру скоро капут. Поехали со мной, Берлин будете брать». Решили, и через три дня пути в поезде оказались в Верхнем Уфалее, в 29-м учебном танковом полку. «Сколько будем учиться и когда на фронт? — мучили мысли. — Может быть, месяца через три? А может быть, прокантуемся с полгода и войне конец?» А тут еще, вместо учебы, в конце августа послали в Аргаяш заготавливать картофель. Настроение совсем упало.

Однако фронт требовал резервов. Начался учебный процесс по десять-двенадцать часов в сутки. Готовили нас механиками-водителями танков Т-34. Суров климат на Урале. Броня танков зимой как лед, а внутри — холодильник. Но у всех была цель — скорее на фронт. Ради этого преодолевались все трудности.

И вот три месяца учебы позади. В начале февраля 1945 года в Нижнем Тагиле получаем новенькие Т-34, с пушкой 85 мм. Экипаж усовершенствованного танка Т-34-85 состоял уже не из четырех, а из пяти человек. Вел огонь из пушки теперь командир орудия. А командиру танка вменялось в обязанность вести наблюдения, давать целе-

указания, руководить маневром боевой машины и работать на радиостанции, отныне установленной в башне. Взамен стрелка-радиста введена должность пулеметчика, которому предоставлена возможность находить и поражать цели метким огнем лобового пулемета. Прежние обязанности остались за механиком-водителем и заряжающим. Сразу же из ворот завода выезжаем на полигон, проводятся ротные тактические учения с боевой стрельбой, и поезд несет нас на Запад! Разгрузились в Польше, в Катовицах.

Маршевая рота капитана Моисеева прибыла в 56-ю гвардейскую танковую бригаду полковника Захара Карповича Слюсаренко 3-й гвардейской танковой армии генерала Павла Семеновича Рыбалко. Оба — Герои Советского Союза. Молодые танкисты испытали большую радость: служить в подчинении у таких людей... Я воевал до Победы. А мой земляк Сергей Коротков от фаустпатрона погиб в Берлине, при форсировании канала Тельтов.

Штурм Берлина

16 апреля 1945 г. перед началом Берлинской операции гвардии я, к тому времени старший сержант, был принят в партию. Начались кровопролитные бои за Берлин, которые по ожесточенности превосходили сражения за Москву и Сталинград.

Немцы дрались с отчаянием смертников, отступать им было некуда, да и эсэсовцы таких расстреливали на месте. Для меня началась новая фронтовая жизнь. Каждый день, ночь, час и минута представляли смертельную опасность. С 16 по 30 апреля 1945 года я три раза горел в танке, половина из членов экипажа были убиты или ранены, я же отделался двумя легкими ранениями и контузиями, приобрел боевой опыт. А когда оставался без танка, брал в руки автомат и действовал в качестве десантника-автоматчика, ходил в цепи в атаку на гитлеровцев. Приходилось пересаживаться и на английский танк «Валентайн», ходить на нем в разведку.

Был случай, когда, оставшись без танка, я обратился к комбату майору А. Жабину. Он в ответ: «Резерва танков нет. Хотя есть выход. Видишь на поле боя «тигра»? Немцы со страху бросили. Возьми тягач и приволоки его. Вот тебе и будет танк». Пришлось мне взять в плен «тигра», а потом сходить на нем в контратаку на немцев, забыв при этом перекрасить на броне фашистские кресты на красные звезды. Но это уже другая, не менее интересная история.

А вот еще страницы из моих суровых будней из фронтовой жизни в Берлинской операции.

В боевом донесении в политотдел 7-го гвардейского танкового корпуса начальник политотдела бригады подполковник М. Большов сообщал: «Храбро и дерзко действовал в бою гвардии старший сержант Н. А. Мальцев. Будучи механиком-регулирующим, он под ураганным огнем противника эвакуировал с поля боя шесть подбитых танков Т-34, «пленил» два фашистских «тигра». Добираясь до подбитого танка в районе Миссен, тов. Мальцев Н. А. встретился с фаустниками и, благодаря его героизму, ворвался в траншею противника и уничтожил 4 фрицев и взял в плен 9 фаустников».

В наградном листе говорится: «Ст. сержант Мальцев Н. А. за время боевых действий с 16.04.45 по 23.04.45 г. проявил себя настоящим, бесстрашным, храбрым воином Красной Армии. Заменяв убитого в бою механика-водителя в экипаже лейтенанта Бовта, Н. А. Мальцев, умело маневрируя танком Т-34 в районе Ильмендорф, подвел его на близкое расстояние к вражеским «пантерам», из которых три были уничтожены огнем из пушки, гусеницами он подавил дзот и несколько фаустников».

За отважные и умелые действия, проявленную храбрость в бою я и другие члены экипажа были награждены орденами Красной Звезды.

А вот еще, можно сказать, целая боевая история, которая до сих пор неполно освещена в военно-исторической литературе (в книге о боевом пути 7-го гвардейского танкового корпуса, частично упоминается в трудах П.С. Рыбалко, С.И. Мельникова, З.К. Слюсаренко). Речь идет о таране «тигров» под Красным Знаменем.

30 апреля 1945 года фашистское логово было уничтожено. В Берлине над Рейхстагом отважные воины Советской Армии Михаил Егоров и Мелитон Кантария водрузили Знамя Победы. Танкисты, мотострелки, артиллеристы, саперы, связисты — все рода войск 7-го гвардейского танкового корпуса, как и все воины, сражавшиеся за Берлин, в эти майские дни после ожесточенных боев отдыхали, наслаждались весной, победой. Расслабились, отсыпались, мечтали о том радостном времени, которое ждет их впереди. Строили планы на послевоенное время, одни собирались учиться в институтах и в военных училищах, другие — работать на заводах, в колхозах, третьи — продолжать службу в армии, защищать Родину.

Но была у всех главная мечта — скорее вернуться домой, повидаться с родными, любимыми, женой, девушкой, которые ждут — не дождутся

солдата с войны. Правда, не все могли встретиться с родными. Война унесла у многих отцов, матерей, братьев, сестер и других родных. Не у всех были и любимые девушки, ведь нам было по 18-20 лет, не успели мы с ними до войны завязать дружбу, большинство из нас не испытали и первой любви.

У всех воинов была жажда к жизни, вера в хорошее, радостное будущее. Главное — война позади, она закончилась, мы остались живы!

Как оказалось потом, радовались мы рано. Пожар войны еще не был потушен. Пришел приказ — готовиться к маршу. Что случилось, что произошло, зачем и куда марш? Было много разных версий. Может быть, недружелюбно повели себя союзники, ведь в США к власти пришел новый коварный президент Трумэн?

А вдруг, направят усмирять Японию, давали же мы обязательство? Но больше всего было разговоров о том, что где-то необходимо было добить фашистскую группировку, стремящуюся прорваться к американцам. В общем, солдатских домыслов было много, воины не знали планов Ставки, мы должны были просто выполнить приказ.

Началась тщательная подготовка к маршу. Дел и забот было много. Провели техосмотр танков и другой боевой техники, загрузили боеприпасы, заправили танки ГСМ, получили сухой паек на три дня. С коммунистами, комсомольцами, со всем личным составом были проведены политинформации, беседы, встречи с фронтовиками. В батальон прибыло пополнение: маршевая танковая рота из Нижнего Тагила, где я в начале 1945 года получал свой первый танк. Из 10 новых танков нашей роты выделили только два. В роту стало всего шесть исправных танков, на случай боевых действий — маловато.

Оказалось, что среди членов экипажей было только по одному человеку в танке, которые уже участвовали в боях, остальные еще не нюхали пороха. В связи с этим командир батальона произвел перестановки. В некоторых танках не обстрелянных воинов заменили танкистами, имевшими боевой опыт. В основном это коснулось командиров танков и механиков-водителей. Остальных членов экипажа оставили из нового пополнения.

Перестановка кадров коснулась и нашего экипажа. Я был назначен механиком-водителем нового танка под номером 317, однако прибывшего командира танка младшего лейтенанта А. Петрова не заменили, хотя он и не участвовал еще в боях. Как мне объяснил зампотех танкового батальона капитан Плужников, в резерве батальона командиров танков не было, поэтому на меня, как комсорга роты и опытного механика-водителя, легла повышенная ответственность за состояние боевой машины и людей. В

экипаже был заменен также и радист-пулеметчик: прибыв в часть, он чем-то заболел. По моей просьбе, из старого экипажа нам дали опытного, боевого пулеметчика Павла Бурова, который был по возрасту на десяток лет старше нас. Это была хорошая морально-практическая поддержка экипажа.

Знакомство с экипажем происходило в ходе подготовки танка к маршу. Оказалось, что младший лейтенант Анатолий Петров был из г. Горького, вместе с отцом работал на танковом заводе, до этого окончил при заводе ремесленное училище, а затем — годичные курсы танкового училища. Жениться не успел, но в Сормово живет, и, как он сказал, будет ждать его, симпатичная Юля. Его мечта — после войны учиться в бронетанковой академии. Очень жалел, что не успел принять участие в разгроме фашистского логова.

Из прибывшего пополнения в экипаже был оставлен наводчик младший сержант Сергей Катаев из Вологды, 1927 года рождения, из рабочей семьи. Прибыл, как он заявил, отомстить Гитлеру за погибшего брата, да, видно, опоздал. Из разговора узнал, что Сергей учился на механика-водителя Т-34 на Урале, в том же полку, где и я. Из нового пополнения в экипаже остался и заряжающий танка рядовой Касимов, маленького роста, шуплый паренек одного со мной года рождения. Работал слесарем-инструментальщиком в г. Казани, сирота. Хотел служить в морской пехоте, да вот ростом не вышел, не приняли. Военком сказал, что его место в танке.

— Жаль, что война окончилась, не удалось проверить себя в бою, — пожаловался заряжающий.

— Не огорчайся, — включился в разговор командир танка. — На нашу жизнь врагов еще хватит, надо учиться защищать Родину.

Знакомство с членами экипажа прервал подошедший замполит танкового батальона майор Ф. Солдатенков.

— Смирно! Товарищ майор, экипаж готовится к маршу, — доложил замполиту младший лейтенант Петров.

— Вольно! Продолжайте подготовку. Мне нужен комсорг роты, — обращаясь ко мне, сказал замполит. — Сколько комсомольцев в двух прибывших экипажах? — спросил он.

— Восемь членов ВЛКСМ и один кандидат в члены партии, — ответил я. — Мы его введем в состав комсомольского бюро батальона. Таким образом, наша танковая рота вновь будет комсомольской.

— Это хорошо, — одобрил инициативу замполит. — Значит, и воевать будете по-комсомольски, — и вдруг, замолчал, дав понять, что сказал что-то не то.

— Значит, война еще не закончилась, — как бы с радостью воскликнул командир танка.

— Не буду от вас скрывать, хотя еще подробно и сам не знаю, какая будет задача. Но повоевать придется, поэтому тщательно готовьтесь к маршруту, ко всем видам боевых действий. А вам, товарищ Мальцев, необходимо провести беседу с пополнением. Расскажите о боевом пути нашей бригады, корпуса, армии, о нашем командующем — генерал-полковнике П. С. Рыбалко. Поделитесь опытом боев за Берлин. Для проведения ротного комсомольского собрания времени не будет, организуйте работу по экипажам. Всем напомните: главное на марше — скорость, соблюдение дистанции, порядка и дисциплины, бдительность. Уделяйте больше внимания новому пополнению.

— Будет сделано, товарищ гвардии майор, комсомольцы роты не подведут, — заверил я замполита. Заместитель командира танкового батальона по политической части гвардии майор Ф. Солдатенков быстро пошел к другому экипажу, и в это время раздалась команда командира роты:

— По машинам! В колонну, за мной, марш!

Это было 4 мая 1945 г.

Тридцатьчетверки, одна за другой, набирая скорость, вытягивались в колонну на автостраде, идущей из Берлина на юг. Примерно через час движения колонны командир танка младший лейтенант А. Петров, взглянув на карту, сказал:

— Братцы, судя по маршруту, мы идем к р. Эльбе, может быть на встречу с союзниками?

— Вот здорово было бы, — раздался голос радиста-пулеметчика. Возможно, придется «махнуться не глядя» с американцами какой-нибудь безделушкой, у меня кое-что для этого найдется. Никто из членов экипажа на предложение радиста не среагировал. Молодые танкисты еще не знали сущности фронтовой игры-забавы «махнемся не глядя». Я тоже промолчал, так как поддержать эту игру у меня было нечем.

Темп марша нарастал. В наушниках то и дело раздавались команды: не отставать, держите дистанцию, вперед! Пройдя километров пятьдесят, колонна остановилась.

— Командиры танков, ко мне, — прозвучала команда командира батальона майора А. И. Жабина.

Выпрыгнув из танков, офицеры побежали к комбату. Мы рассчитывали на привал, но прозвучал приказ из машин не выходить. 283

Минут через десять вернулся командир танка. И уже в машине, сказал: «В районе Дрездена быть готовым к бою, там обнаружены скопления танков и пехоты. Нашей бригаде приказано разгромить эту группировку». О том, что мы пойдем в Чехословакию, мы еще тогда не знали.

Встреча с противником произошла в полдень, 6 мая в районе Дрездена. Бой сразу же принял ожесточенный характер. Мы не ожидали, что после падения Берлина фашисты будут так упорно, ожесточенно сопротивляться. Гитлеровцы весь свой огонь сосредоточили на нашем танковом батальоне, который находился в первом эшелоне бригады. Пришлось спешно разворачиваться и принимать бой и нашей роте, в которой вместо десяти танков находилось всего шесть. Рота развернулась на фланге, где против нас наступало более 10 «тигров» и «пантер».

Фашистские танки открыли огонь по Т-34 еще издалека, снаряды ложились рядом с нашими машинами. Т-34 пошли на сближение с «тиграми», заработали и наши орудия. Но перевес сил был явно на стороне врага. От точных попаданий противника загорелись сразу два наших танка. Трех членам экипажа удалось покинуть машины, но тут же они были сражены автоматными очередями. Сердце сжималось от боли за гибель однополчан-товарищей. Наш танк усилил огонь из орудия, и было видно, как закрутился на одном месте Тигр, второй выстрел командира орудия гвардии сержанта Пожидаева пришелся по его борту, и он загорелся.

— Молодцы! — услышали похвалу комбата. — Держитесь! Ребята, экономьте снаряды, впереди еще много будет работы! — предупредил А. Жабин.

Словно предвидел комбат — из-за холма медленно выползла новая группа фашистских танков и бронетранспортеров с пехотой. Командир бригады по радио спросил Жабина: «Ну, как, справишься?» — «Трудновато будет, но постараемся», — ответил комбат. Четыре советских Т-34 приняли вызов десятка немецких «тигров» и около батальона автоматчиков. «Рота» остановилась, ведя огонь из орудий и пулеметов.

— Почему стоите? — спросил Жабин, — не подставляйте борта танков. Вперед! Ведите огонь из орудий с ходу.

— Снаряды на исходе, — доложил комбату старший лейтенант Потехин. И вновь по радио раздался голос комбрига:

— Ну, как, Жабин, тяжело?

— Очень тяжело, «тигры» звереют. Нужна помощь, — не выдержал комбат.

— Держись, Жабин, у меня тоже жарко, надо выстоять и победить!

И все же комбриг прислал помощь. Два Т-34 присоединились к роте и открыли огонь.

Вдруг в эту критическую минуту мы увидели, как над танком комбрига взвилось алое гвардейское Боевое Знамя бригады. Комбриг решил внезапно ошеломить противника. Танк комбрига устремился в атаку, увлекая за собой остальные танки. Механик-водитель танка комбрига старшина Бабаян, ловко орудуя рычагами, направил танк в гущу фашистских машин. Гитлеровцы, увидев над советским танком развевающееся Красное Знамя, словно взбесились, открыли по танку комбрига ураганный огонь из всех видов оружия.

— Мальцев, — слышу голос командира танка младшего лейтенанта Петрова, — подходи ближе к комбригу, надо подстраховать Знамя и его танк.

Выполняю приказ командира, разворачиваюсь, и идем на помощь комбригу. А в это время с бронетранспортеров спешили автоматчики эсесовцы, быстро приближались к танку З. К. Слюсаренко.

— Вот сволочи, — со злостью произнес по ТПУ (танко-переговорное устройство) младший лейтенант. — Хотят захватить наше Знамя.

— Командир, — кричит по ТПУ заряжающий, — рядом с немцами показались какие-то непонятные фашисты, я впервые их вижу.

— Где ты их видишь?

— Смотри левее!

Действительно, впереди немцев бегут какие-то с автоматами и фаустпатронами в руках, одетые в полуфашистскую форму. По мере их приближения к танкам стали видны на рукавах нашивки с царским хищным орлом, а у одного в руках маячил трехцветный флаг. А когда мы услышали недружный крик «Ура!», стало ясно, что это предатели Родины — власовцы.

— Ну вот, снова повстречались с «земляками» — проворчал радист — пулеметчик Буров и нажал на гашетку пулемета.

— Заряжающий, — раздался голос командира, — заряди-ка осколочным, я поражаю этих гадов.

Вдруг, кто-то из них закричал:

— Братцы, не стреляйте, я из Казани. — И в ту же секунду упал, сраженный в спину выстрелом эсесовца.

Советские танкисты из всех видов оружия рассеяли группу предателей.

Боевая обстановка осложнялась с каждой минутой. Превосходство сил было на стороне противника. Танкисты, автоматчики — гвардейцы бригады стояли насмерть.

Неожиданно в расположении противника стали рваться снаряды. Это на помощь подоспели самоходки и автоматчики 184-го гвардейского тяжелого самоходно-артиллерийского полка. Одну группу автоматчиков возглавлял комсорг полка младший лейтенант Алексей Булычев. Фашисты и власовцы, оставшиеся в живых, заматались, прятались за свои танки и бронетранспортеры. Но четыре «тигра» упрямо сближались с танком комбрига. Наш Т-34, ведя огонь с ходу (стрелять из орудия взял на себя командир танка), также приближался к танку полковника З. К. Слюсаренко.

— Ребята, попал! — радостно закричал по ТПУ наш командир. — Горит «тигр», смотрите.

Экипаж был рад за младшего лейтенанта, ведь это был первый подбитый им фашистский танк. Однако наша радость была кратковременной. Справа от нас загорелся и наш танк, его подбили из фаустпатрона.

— Николай, на помощь, вперед! Радист, прикрой ребят пулеметным огнем, — взволнованно распорядился младший лейтенант Петров.

Из горящего танка выскочили два танкиста, на одном уже дымился комбинезон. Ждали других, но неожиданно раздался взрыв боеприпасов, находившихся в танке, и шестнадцатитонная башня тридцатьчетверки упала недалеко от нашей машины. Гибель товарищей ослабила внимание экипажа, и тут же «тигр» вцепил болванкой в наш танк. Удар, к счастью, пришелся по башне, снаряд срикошетил, не причинив особого вреда. Пока беда нас миновала.

Танковый поединок продолжался, никто не хотел уступать, но развязка приближалась. Огонь из орудия вести становилось все труднее, можно было попасть в своих.

— Мальцев, — закричал младший лейтенант, — я даже вздрогнул. — Ты что, не видишь, «королевский тигр» хобот свой на нас наводит! Быстрее убери борт!

— Вижу, командир, разворачиваюсь. А вы накажите его!

Даю полный газ, выжимаю рычаг поворота двумя руками, быстро создаю условия для выстрела командиру. Однако что-то он замешкался, и сильный удар под башню оглушил меня. Очнулся, когда меня тряс пулеметчик.

— Николай, Коля, очнись, — кричал он, — скорее уходи, сейчас будет снова выстрел «короля».

Но фашиста опередил командир, он всадил в «королевского тигра» советскую болванку, а фашистский водитель также успел убрать борт, и болванка срикошетила от башни. Мы ждали нового выстрела «королевского тигра», но неожиданно танк неуклюже развернулся и присоединился к тем трем «тиграм», которые шли в лоб на танк комбрига. Видно, Красное Знамя бригады не давало покоя фашистам, они решили все силы сосредоточить на его уничтожении или пленении.

— Механик, — слышу голос командира танка, — подходи еще ближе к комбригу.

Вижу, что слева и справа от меня два Т-34 также взяли курс на танк комбрига. Настроение улучшилось — значит, не одни. Наступала последняя, решительная схватка. Но что это? Наши Т-34 спешат к танку комбрига, и фашистские «коробочки» на большой скорости идут туда же. Впереди три «тигра», один из них «королевский», более тяжелый. Мелькнула мысль: «Неужели стервятники пойдут на таран? Вроде гитлеровцы этим не отличались?»

А что оставалось им делать? Непрерывный, почти пятичасовой танковый бой создал обстановку, в которой и у нас, и у фашистов боеприпасы были на исходе, когда противоборствующие стороны настолько сблизились, что ведение танкового и пулеметного огня стало небезопасным для обеих сторон. Для победоносного исхода боя оставался один выход — идти на таран. Видимо, фашистам не хотелось сдаваться в плен советским войскам. Исход боя теперь зависел от умения, опыта, выдержки и мужества танкистов.

Мои мысли были прерваны командиром бригады З. К. Слюсаренко.

— Гвардейцы-рыбалковцы! — Обращаюсь ко всем. Близка окончательная победа над фашизмом, но нам выпала честь дать, может быть, последний бой, жестокий и суровый. Не все все из нас встретят День Победы, но потерять Боевое Знамя бригады — это потерять честь и достоинство солдата Красной Армии. Я уверен, что каждый из вас проявит мужество и отвагу. Родина нас не забудет! Вперед, на врага!

— Все слышали обращение комбрига? — спросил командир танка.

— Все, — дружно ответил экипаж.

— Что будем делать? — продолжал младший лейтенант.

— Выполнять приказ комбрига, — вновь дружно ответили члены экипажа. Будем драться до последнего патрона, снаряда. Умрем, но Знамя врагу не отдадим.

— Решение одобряю, — подчеркнул Петров, — теперь главное не подкачать.

— Механик, короткая! — неожиданно крикнул командир танка.

— Есть дорожка, — кратко ответил я и плавно остановил танк.

Минута, вторая, — выстрела нет. «Чего он возится, почему не стреляет так долго, ведь стоять — смерти подобно,» — подумал я о своем командире. И в это время прозвучал выстрел. Машина вздрогнула.

Смотрю в триплекс — ничего не видно. Делаю рывок танка вперед, одновременно приоткрыл люк механика-водителя. Смотрю и кричу:

— Командир, есть попадание! — радуюсь за младшего лейтенанта. И тут слышу голос заряжающего:

— Товарищ командир. Бронебойные и подкалиберные снаряды закончились, остались одни осколочные.

— Жаль, — высказал сожаление А.Петров. — Теперь «тигры» становятся более опасными. — Мальцев, Николай! — Если вдруг фашисты пойдут на таран, что будем делать?

Сказывалось отсутствие боевого опыта у младшего лейтенанта.

— Не волнуйтесь, товарищ младший лейтенант. Мы школу таранов уже проходили, как на учебном полигоне, так и в бою. Экипаж знает, что и как делать в таких случаях, нам не впервые давить гадов.

— Ну, тогда действуй, — неуверенно распорядился Петров, — готовь экипаж к тарану.

— Экипажам приготовиться к тарану, — опередила команда комбата. — Удар нанесем одновременно всеми танками по моей команде, на таран идут ближайшие к «тиграм» пять Т-34. Беспokoюсь за новичков в экипаже.

— Командир, — обращаюсь к Петрову. — Может быть, троим покинуть танк, зачем всем рисковать?

Мое предложение услышали все члены экипажа и в один голос заявили, что покидать машину не будут и на таран пойдём вместе. Лейтенант одобрил решение экипажа.

— Ну, тогда слушайте советы: всем проверить люки. Замки закрывания люков сильно не затягивайте! Заряжающему в момент тарана освободить казенник орудия от снаряда, проверить надежность десантного люка, ослабить его фиксирующий запор. В танкошлемы вложить перчатки

или ветошь, кто что сможет, в момент удара плотно прислониться танкошлемом к броне. Главное — спокойствие, выдержка и взаимопомощь. Вопросы есть?

Тишина. И вдруг слышу:

— Экипаж к тарану готов! — весело за всех ответил Павел Буров — пулеметчик, старший по возрасту в экипаже.

— Еще советы, — продолжал я. — После тарана каждый обязан посмотреть друг на друга, не нужна ли кому срочная помощь, проявите выдержку, сразу не выскакивайте из танка, если даже вас будет припекать. Пусть это сделают сначала фрицы, тут их мы и подстрелим. Их танки на бензине, они скорее загорятся.

Четыре лучших тяжелых немецких танка «тигр» и «королевский тигр» вышли на пять советских средних танков Т-34. В одном из них с развернутым Боевым Красным Знаменем 56-й гвардейской танковой бригады находился командир этой бригады Герой Советского Союза полковник Захар Карпович Слюсаренко, в другом — отважный командир 2-го танкового батальона — майор Андрей Иванович Жабин.

Редкий огонь велся на ходу как советскими, так и фашистскими танками. Ближкое расстояние между нашими машинами и фашистскими затрудняло вести прицельный огонь и нашим самоходкам. И все же, когда расстояние между танками стало еще меньше, один из наших Т-34 был подбит и вышел из строя. Соотношение танков выровнялось: четыре советских Т-34 на четыре немецких тяжелых «тигра», явно не в нашу пользу.

— Механик, — раздался голос командира танка Петрова — держись правее, кажется, комбриг и комбат Жабин избрали себе жертвы, они идут на «тигров». Скорее всего, нам достался «королевский тигр». Смотри в оба!

— Понял вас, все будет в порядке.

Даю полный газ. Для тарана главное набрать скорость, особенно против такой махины, которая почти в два раза тяжелее Т-34. Смотрю, чуть правее нашего танка догоняет тридцатьчетверка под номером 307, по номеру танка узнаю, что на помощь нам спешит мой друг механик-водитель Саша Алешин. (После войны он, будучи шофером, станет Героем Социалистического Труда.) Сообщаю об этом экипажу, чувствую, что настроение у всех поднялось. Радист — пулеметчик Буров достает флягу со спиртом.

— Командир, может быть, выпьем свои фронтовые 100 грамм? — предложил он. Молчание, Никто Бурова не поддержал.

— Когда раздавим фашистских гадюк, тогда и выпьем, — за всех ответил я.

Одновременно, когда до контакта боевых машин оставалось метров двадцать-двадцать пять, неожиданно фашистские танки остановились, а затем стали пятиться назад, разворачиваться. Видимо, у гитлеровцев сдали нервы.

— Вперед! — прозвучала команда комбрига. И его танк заволокло черным дымом, так гасанул механик-водитель Андроник Бабаян.

— Вперед! — повторили команду и комбат, и командиры рот и танков. Я нажал ногой педаль газа до упора.

Четыре танка Т-34, выстроившись в линию (пятый танк Алешина отстал, экипаж восстанавливал перебитую гусеницу), стремительно догнали «тигров» и на большой скорости всей мощью вгрызлись в броню фашистских танков. Раздались оглушительные удары, взрывы, скрежет металла, человеческие крики. Наша тридцатьчетверка нанесла с ходу удар по правому ведущему колесу почти семидесятитонного фашистского чудовища. Удар был такой силы, что верхние люки нашего танка и левый ленивец гусеницы отлетели на несколько десятков метров, Т-34 по инерции забрался на трансмиссию «тигра». Жалкими выглядели и фашистские танки: бока у них были помяты, гусеницы разлетелись, катки у двух танков оказались за десятки метров, все они сначала задымились, а затем и загорелись. В то же время показались языки пламени и у нашей машины.

Примерно такая же картина была и с остальными таранящими танками. Из всех горящих танков быстро выскакивали танкисты, вслед им раздавались автоматные и пушечные выстрелы. Зная об этом, члены нашего экипажа покинули танк через десантный люк. Сильно пострадавших среди членов экипажа нашего танка не было. Лишь мне была оказана помощь — я был контужен в голову. В других наших танковых экипажах были убитые и раненые, особенно после загорания машин. Легко был ранен и комбриг, контужен А. Жабин. Танк комбрига дымился. Предусмотрительно Боевое Знамя еще до тарана было передано на бронетранспортер, где находился штаб бригады.

В этом ожесточенном бою с групповым тараном были потери с обеих сторон. Противник потерял 12 танков, в том числе и при таране. Два «тигра» были захвачены исправными, уничтожено 11 бронетранспортеров, 21 автомашина. На поле боя осталось более 300 гитлеровцев, более 200 фашистов были взяты в плен. Остатки разгромленной фашистской группировки отошли к р. Эльбе.

После боя комбриг построил участников сражения и подошедшие остальные части и подразделения бригады. Перед ними пронесли Боевое Красное Знамя бригады, которое имело семь пробоин от пули и осколков. В честь победы прозвучало гвардейское «Ура!». Подъехал командир корпуса генерал-майор В.В. Новиков. Он поздравил участников операции с большой победой, объявил всем благодарность, вручил группе отличившихся правительственные награды: трем командирам танков и механикам-водителям, участвующим в таране и спасении Знамени бригады вручены были ордена Красного Знамени, многие награждены орденом Красной Звезды и медалями «За отвагу». Комбриг З.К. Слюсаренко 31 мая 1945 года станет дважды Героем Советского Союза, его механик-водитель гвардии старшина Андрико Бабаян и комбат А.И. Жабин представлены к званию Героя Советского Союза, однако награждены были лишь орденами Ленина.

Командир корпуса В.В. Новиков заверил всех участников тарана и спасения Знамени бригады, что все будут представлены к ордену Красного Знамени. Не знаю, кто еще из участников тарана получил этот орден, но для меня этот день неожиданно настал накануне 55-й годовщины Великой Победы. В университет, где я работаю, прибыли два генерала, представители управления кадров Министерства обороны РФ и Российского Комитета ветеранов войны и вооруженных сил и в присутствии ветеранов войны вуза вручили орден Красного Знамени. Оказалось, что подольские следопыты разыскали мои награжденные материалы. Невероятный случай, но он еще раз свидетельствует о том, что «Никто не забыт, ничто не забыто!».

На Прагу!

Не успели мы перевести дыхание от многочасового ожесточенного боя, как поступил новый приказ — марш на Прагу. А это не близко — 240 километров. На территории Чехословакии продолжала ожесточенно сопротивляться Красной Армии почти миллионная группировка гитлеровцев. Против немцев в Праге поднялось восстание, фашистское командование для его подавления бросило целую дивизию, положение восставших становилось критическим. В эфире прозвучало обращение к Советскому командованию о помощи. Правительство Советского Союза приняло решение спасти восставших, красавицу-Прагу от разрушения.

Времени на подготовку к маршу и боевым действиям почти никакого. И все же успели принять новое пополнение танков и личного состава,

заправиться горючим и боеприпасами. Комбат собрал механиков-водителей, обратился без предисловия:

— Знаю, как вы устали, сколько ночей не спали. Но на вас, механиков-водителей, вся надежда. Марш предстоит ночью, через горы, по серпантинам, над пропастями. Будут и вкопанные в землю танки, самоходные орудия, фугасы и надолбы на дорогах. Но не можем мы идти в обход. Марш через Рудные горы — ближайший путь к восставшей Праге.

Все было на том пути. Мой танк зависал над пропастью. Были схватки с отчаявшимися эсесовцами. При выходе из узкой горловины батальон майора Жабина гитлеровцы встретили шквалом огня. Маневра для танков никакого. Путь — только вперед. И батальон прорвался, потеряв два экипажа. На коротком привале заместитель командира батальона по политчасти майор Солдатенков старался расшевелить засыпающих на ходу танкистов.

— Гвардейцы, а ведь на башнях наших танков указан неверный маршрут, — говорил политработник. — Там написано: «На Берлин!». Давайте напишем: «Вперед — на Прагу!»

Танкисты это сделали с удовольствием. И снова звучит: «По машинам». Километр за километром... Радист-пулеметчик замечает, что у меня, сидящего за рычагами танка, уже нет сил бороться со сном. Горная дорога, да еще ночью, особо опасна. Буров настраивает волну Праги. Как раз передавалось воззвание руководящего центра майского восстания в Чехии. В эфире звучало: «Мы знаем, за что сражаемся, за что умираем... На стройку баррикад! На баррикадные бои! Смерть фашизму! Советские братья, скорее на помощь, мы вас ждем!» — заканчивалось обращение.

От этих призывов таяла усталость, в тело вливались новые силы. Трое суток длился марш от Дрездена. Трое суток без горячей пищи, без сна и отдыха. Трое суток боев, тяжелых подъемов и спусков под морозящим дождем и шквалом огня противника. И ни одной жалобы!

— Коля, давай подменим тебя, — предлагали друзья.

— Не надо, не надо, все в порядке, — отвечал я, — выдержу.

И вдруг батальону пришлось остановиться: в баках ни капли горючего. Нас обгоняют другие подразделения, мы нервничаем, переживаем. Простояли без движения почти два часа, в ожидании подхода тылов. Заправились, и вперед.

С рассветом 9-го мая наш батальон освободил г. Мельник, прорвался к аэродрому, с которого один за другим поднимались фашистские самолеты, видимо, с бегущими от возмездия эсесовцами и власовцами. Когда рота

приблизилась к аэродрому, я увидел двухмоторный самолет, который готовился к взлету.

— Механик, — кричит командир танка. — Видишь, справа в 200 метрах двухмоторный самолет. Он готовится взлететь, давай протараним его.

— Товарищ лейтенант, — говорю ему, — этого делать нельзя: в нем больше тонны бензина, сгорим. Ударьте лучше по нему осколочным.

А сам понимаю его, лейтенант из последнего пополнения, хочется отличиться, вернуться с войны с наградой.

— Стрелять не могу, — отвечает командир, — вижу за самолетом движение личного состава не в фашистской форме. Вдруг это наши союзники?

— Товарищ лейтенант, — говорю ему. — Возможно, это власовцы, я слышал по радио, что их здесь много, они бегут к американцам.

И вдруг раздается пулеметная очередь. Это наш радист-пулеметчик Буров, услышав наш разговор с лейтенантом, дал очередь из трассирующих пуль, и немецкий самолет загорелся.

— Молодец, Буров, — похвалил его командир.

— Вот и проблема решена, — добавил я.

С аэродрома удалось улететь лишь несколькими самолетами. Наша танковая рота вышла на автостраду, ведущую в центр столицы.

Ворвались в предместье. Проскочили мимо горящего танка. Тогда я не знал, что это машина Героя Советского Союза гвардии лейтенанта Ивана Гончаренко, первым вступившего в Прагу. Да и как узнаешь, если все люки задраены. Чем ближе подходили мы к Вацлавской площади, тем больше цветов ложилось на горячую броню. Вскоре они и вовсе покрыли танк. Остановились, чтобы обеспечить обзор. В ту же минуту танк оброс «десантом» из ликующих, заключающих нас в объятия чехов. Здесь мы слышали сообщения: Германия капитулировала. Победа!

— Наздар Руда Армада — наша освободительница! Друж-ба, друж-ба, друж-ба! — скандируют колонны жителей Праги.

Но снова прозвучала команда «Вперед»... Теперь предстояло нашей роте развернуться на несколько километров назад, там обнаружена группировка гитлеровцев с артиллерией и самоходками. Быстро разворачиваемся и на большой скорости идем в район сосредоточения фашистов.

Млада Болеслав встретил танкистов огнем. У ворот завода «Шкода» гитлеровцы били из двух пушек, из укрытий палили фаустники. От прямого

попадания вспыхнул танк моего боевого побратима — младшего сержанта Сергея Сазонова. Сам он из уже машины выйти не смог. Был убит в последние минуты войны!

Ослепленный горем и ненавистью, я круто развернул машину, вывел ее во фланг стреляющим пушкам и выжал педаль подачи топлива до отказа. Гусеницы завершили то, что не успели сделать танкисты — наводчики орудий.

Салют над братской могилой, где покоился и Сергей Сазонов, был последним моим выстрелом в Великой Отечественной войне.

Послевоенная судьба была полна разнообразных событий. После Чехословакии 3-я гвардейская танковая армия летом 1945 года передислоцировалась в Австрию, в 1946 году возвратилась в Германию, бригада стояла в Вюнсдорфе, где затем была размещена группа Советских Войск в Германии. В 1947 году убыл учиться в Горьковское военно-политическое училище (танковое отделение). После его окончания в 1949 году стал политработником, получил назначение в Прикарпатский военный округ — г. Львов. А затем, как в калейдоскопе, менял рода войск, профессии, должности.

Служил в механизированной дивизии, затем вновь в авиации — в бомбардировочной дивизии, которая с самолетов Ту-2 переучилась на реактивные самолеты Ил-28 (г. Коломыя, Станислав); был заместителем командира роты ВНОС (Войска Наблюдения, Оповещения и Связи) по политчасти. Наблюдательные посты ВНОС располагались в приграничной зоне, в горах, пришлось повоевать и с бандеровцами.

В 1955 году вернулся в танковые войска. 23 октября 1956 года 31-я танковая дивизия в г. Хмельницком была поднята по тревоге и выполняла задачи по подавлению контрреволюционного мятежа в Венгрии. Здесь мы увидели жуткую картину — на столбах и перекрытиях мостов повешенных советских, венгерских офицеров и гражданских людей, разгул вооруженных фашистских групп, особенно на улицах Будапешта.

Здание парламента, где заседали предатели социализма во главе с Имре Надем, пришлось брать штурмом, его защищали перешедшие на сторону контрреволюции венгерские зенитчики, которые сожгли два наших танка.

Пришлось побывать и в Афганистане, где наш вертолет при перелетах из одной части в другую неоднократно обстреливался душманами. В общем, большая часть жизни, 45 календарных лет, была связана с самой главной профессией — с защитой Родины. Всегда был велик риск для

жизни, как поется в песне, «офицеры, ваше сердце под прицелом». В конце 60-х годов с должности ответственного секретаря партийной комиссии учебной танковой дивизии перешел на «спокойную» преподавательскую работу, готовил офицерские кадры, сначала в Донецком высшем военно-политическом училище инженерных войск и войск связи, а затем в Военной Академии бронетанковых войск имени Маршала Советского Союза Р.Я. Малиновского.

Затем стал ученым, академиком, заслуженным деятелем науки РФ, доктором наук, профессором. Благодарен Советской власти, открывшей простому человеку светлую дорогу в жизни.

После увольнения из армии вот уже пятнадцать лет возглавляю кафедру общественных наук в Московском государственном художественно-промышленном университете имени С.Г. Строганова. За последние три года опубликовал три труда объемом 25 п.л..

Являюсь заместителем председателя общества «Знание» г. Москвы и председателем Совета ветеранов 3-й гвардейской танковой армии.

6 декабря 2002 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Самсонов Леонид Олегович**, студент 3-го курса Московского авиационного института